

ПОСЛѢ ОБѢДА ВЪ ГОСТЯХЪ.

Удивительное дѣло, какъ все это было пригнано, какая во всемъ сказывалась система и гармонія! Потомство рѣшительно не повѣритъ. Поговоримъ хоть объ губернскомъ надзорѣ. Всякій согласится, что безъ надзора нельзя: во первыхъ, обывателямъ некому будетъ жаловаться, во вторыхъ, — куда же дѣнутся все эти лица, которымъ ввѣренъ надзоръ? въ третьихъ... ну, да вообще какъ-то неловко безъ контроля! Что могли бы сказать объ насъ иностранцы, еслибъ у насъ не было контроля? Могли бы сказать: у нихъ царствуетъ произволь, потому контроля нѣтъ! могли бы сказать: удивительно, какъ это люди живутъ въ такой странѣ, въ которой контроля нѣтъ! А теперь, какъ контроль есть, то иностранцы должны молчать, и ничего больше.

Главное дѣло, чтобы контроль былъ безобидный, и шелъ, такъ сказать, въ видѣ непрерывнаго перекрестнаго огня. Объяснимъ это примѣромъ. Если меня будетъ контролировать мужикъ, что можетъ изъ этого выйти? Разумѣется, ничего путнаго, потому что и онъ меня не понимаетъ, и я его не понимаю, и станемъ мы цѣлый день разговаривать: я по русски, онъ по татарски. Совсѣмъ другое дѣло, когда сойдутся люди просвѣщенные и скажутъ другъ другу: ты надзирай за мной, а я буду надзирать за тобой. Ясно, что здѣсь не можетъ случиться ни раздоровъ, ни недоумѣній; ясно, что просвѣщенные люди поймутъ другъ друга и будутъ объясняться единственно по русски. Такимъ образомъ,

подозрѣніе о произволѣ устраивается; обыватели на каждомъ шагѣ встрѣчаютъ лицо, которому могутъ принести жалобу; приличія соблюдены, всѣ довольны, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раздоровъ никакихъ...

Возьмемъ другой примѣръ, болѣе осязательный.

Нашъ почтенный начальникъ края постоянно находится подъ контролемъ весьма не легкимъ; за нимъ надзираетъ и губерпскій штабъ-офицеръ, и губерпскій прокуроръ, — а между тѣмъ спросите его по совѣсти, чувствуетъ ли онъ это? Нѣтъ, онъ не чувствуетъ, ибо, съ другой стороны, штабъ-офицеръ и прокуроръ находятся и подъ его контролемъ. Слѣдовательно, сойдутся вмѣстѣ, переговариваютъ между собой ладкомъ, анъ смотришь, прекратятся разомъ всѣ недоумѣнія, смотришь — и пошли опять козырять, какъ ни въ чемъ не бывало.

Нашъ добрый и милый пріятель, Семенъ Михайлычъ Булановскій былъ именно такого мнѣнія о контролѣ. Во первыхъ, онъ вообще одобрялъ всю систему, а во вторыхъ, хвалилъ въ особенности то, что контроль именно порученъ ему, а не кому другому. «Это — говаривалъ онъ: — именно величественное зданіе, въ которомъ всякій находится при томъ кругѣ, гдѣ кому по способностямъ быть слѣдуетъ».

Я знаю, что въ послѣднее время развелось много неблагонамѣренныхъ людей, которые утверждаютъ, будто бы не предстоитъ никакой надобности ни въ штабъ-офицерахъ, ни въ прокурорахъ, ни даже... въ начальникахъ края! Для управленія обывателями, говорятъ они, достаточно однихъ законовъ! Конечно, если разсуждать съ точки зрѣнія теоретической, то нельзя не сознаться, что законы въ своемъ родѣ тоже представляютъ величественное зданіе; но съ другой стороны, бываютъ случаи, когда они говорить не могутъ, и когда личное искусное вмѣшательство одно можетъ предотвратить величайшія бѣдствія. Въ особенности удобно и необременительно сіе средство въ дѣлахъ свойства, такъ сказать, домашняго (ибо въ нашемъ любезномъ отечествѣ еще встрѣчаются дѣла сего свойства). Приходитъ, на примѣръ, ко мнѣ жена и жалуется, что мужъ ея поступаетъ съ ней не какъ супругъ, а какъ челоѣкъ посторонній. Что сдѣлалъ бы законъ? Законъ, во первыхъ, сказалъ бы: сударыня, докажите! Во вторыхъ, еслибъ и послѣдовало доказательство, то законъ отвѣчалъ бы: это, сударыня, не мое дѣло! Напротивъ того, что сдѣлаю я? Во первыхъ, я призову мужа и скажу ему: «какъ же

тебѣ, любезный, не стыдно! посмотри, кака я у тебя жена хорошенькая!» Во вторыхъ, если онъ этимъ не убѣдится, я пригрожу ему закономъ: «да, скажу, любезный! у насъ на этотъ счетъ и законъ есть!» А такъ какъ онъ законовъ не знаетъ, то и убѣдится навѣрное. Смотришь—ахъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію! Другой примѣръ: приходитъ ко мнѣ работникъ и жалуется, что хозяинъ жалованья ему не платитъ. Естественно, я за хозяиномъ: «зачѣмъ ты, любезный другъ, денегъ не платишь?» Ну, онъ мнѣ: такъ и такъ. Отъ хозяина я опять къ работнику: «развѣ ты не можешь, любезный другъ, подождать?» Смотришь—ахъ дѣло-то и покончено къ общему удовольствію!

Но важнѣе всего то, что мы, россияне, отъ рожденія нашего питаемъ къ судамъ нелюбовь. Одаренные отъ природы воображеніемъ впечатлительнымъ и характеромъ живымъ, даже строптивымъ, мы требуемъ, чтобы дѣла рѣшались немедленно, а желанія наши удовлетворялись безпрепятственно. Что бы это такое было, еслибъ существовали одни суды и не существовало начальства? Страшно подумать, но предугадать не трудно. Во первыхъ, обыватели пришли бы въ уныніе; во вторыхъ, въ дѣлахъ произошелъ бы застой. Результатъ же всего этого—хаосъ, среди котораго люди стремились бы не къ тому, чтобы сдѣлать себѣ одолженіе, но къ тому, чтобы поѣдать друга.

Повторяю, нашъ милый Семень Михайлычъ вполне раздѣлялъ эти убѣжденія. Онъ находилъ, что въ особенности полезенъ надзоръ негласный, который благодѣтельствуемъ, такъ сказать, въ тишинѣ уединенія. Въ такомъ видѣ, по мнѣнію его, онъ уподобляется провидѣнію, всегда намъ сопresentствующему. Обиженный не имѣетъ основанія унывать, ибо знаетъ, что есть рука, которая защититъ его и покараетъ злодѣя. При такой увѣренности, не можетъ не житья легко, ибо жизнь, такъ сказать, сама выноситъ обывателя на крылахъ своихъ. Въ этомъ же, быть можетъ, заключается и дѣйствительная причина того, что въ государствахъ, гдѣ подобный контроль устроенъ, лица обывателей принимаютъ видъ откровенный и беззаботный, не говоря уже о томъ, какъ это пріятно начальству.

Вообще, Семень Михайлычъ чудный малый и слыветъ въ губерніи завиднымъ женихомъ. Онъ очень мило изъясняется по французски, а благородной изысканности его манеръ удивляются всѣ помѣщики. Онъ нѣсколько сухощавъ и вообще сложенъ, если позволено такъ выразиться, меланхолически; при этомъ строенъ

и имѣеть черты лица не только выразительныя, но даже извѣстныя. Правильности его носа еще не такъ давно удивлялась купеческая жена Барабошкина, а пристальнаго взгляда его сѣрыхъ глазъ не могъ вынести самъ губернскій предводитель дворянства, когда его, по поводу ущерба какому-то казенному интересу, велѣно было келейнымъ образомъ допросить. Но человекъ чистый и невинный могъ смотрѣть ему въ глаза смѣло и съ увѣренностію всегда встрѣтитъ въ нихъ теплое участіе. Ко всему этому (какъ бы въ довершеніе общаго очарованія), онъ употребляетъ какіе-то анаѳемскіе духи, которыми умащаетъ себѣ усы и тѣло, и отъ которыхъ такъ и разитъ чѣмъ-то таинственнымъ.

Семень Михайлычъ человекъ холостой, но не прочь жениться. Если онъ до сихъ поръ не принесъ себя въ жертву гименею, то это произошло совсѣмъ не отъ того, чтобъ нашихъ дѣвицъ не плѣняла его обольстительная наружность, но отъ того, что онъ желаетъ сдѣлать партію во всѣхъ отношеніяхъ блестящую. Ему мало того, что дѣвица, на которую онъ обращаетъ свои взоры, пышка, ему надо, чтобъ и отецъ ея былъ пышка, т. е. снабженъ надлежащими капиталами. «Жена должна принести мужу деньги и протекцію», говоритъ онъ, и, совершенно довольный собой, мечетъ жгучіе взоры на сонмище тающихъ дѣвицъ нашихъ.

Живетъ онъ просто, но мило, въ домѣ той самой купчихи Барабошкиной, которая такъ восхищалась правильностью его носа. Говорятъ, будто бы онъ не платитъ за квартиру, но если это и правда, то во всякомъ случаѣ онъ обдѣлываетъ свои дѣла такъ скромно, что никто уличить его ни въ чемъ не можетъ. Въ какое бы время вы ни зашли къ нему, всегда можете найти добрый привѣтъ, добрую сигару и добрый стаканъ вина.

Семень Михайлычъ очень пріятный собесѣдникъ, онъ проницательный политикъ и умѣренный, но глубоко-мысленный философъ. Трудно повѣрить, но при всѣхъ своихъ многочисленныхъ занятіяхъ онъ находитъ время даже слѣдить за теченіемъ планетъ и, руководствуясь брюсовымъ календаремъ, охотно объясняетъ обычнымъ своимъ собесѣдникамъ тайное ихъ значеніе. Такъ, напримѣръ, не далѣе, какъ прошлой зимой, онъ, по теченію планетъ, очень вѣрно предсказалъ, что въ персидской страшѣ произойдутъ козни тайныхъ враговъ, стремящихся огорчить любезное отечество, но что козни эти будутъ открыты нѣкоторымъ царедворцемъ Олоферномъ, который и посрамитъ кознедѣйцевъ. Все точно такъ и сбылось: черезъ двѣ недѣли, мы уже

читали въ газетахъ, что Олофернъ поймалъ и обличилъ злодѣевъ, которые были посажены въ мѣшокъ и ввержены въ море. Есть у него и библіотека, составленная исключительно изъ книгъ, трактующихъ о разныхъ видахъ любви къ отечеству. По мнѣнію его, только такія книги и могутъ услаждать душу государственнаго человѣка, да еще сочиненія эротическаго содержанія; но сіи послѣднія должны быть читаемы съ умѣренностью и тайнѣ, дабы не породить соблазна въ народѣ, который, по простодушію своему, можетъ, чего добраго, принять преподаанныя тамъ правила за руководство въ жизни.

Однимъ словомъ, такіе люди, какъ Семень Михайлычъ, составляютъ истинное украшеніе городовъ, въ которыхъ поселяются, а такъ какъ въ Россіи нѣтъ губернскаго города, въ которомъ не было бы своего Семена Михайлыча, то и оказывается, что всѣ они изукрашены въ этомъ отношеніи преестественно.

Имѣя въ виду впереди балъ у губернатора и потомъ ночную пирушку у откупщика, я зашолъ къ Семену Михайлычу, чтобъ отвести душу въ умѣренно-либерально-политико-философской бесѣдѣ.

Я засталъ его за чтеніемъ новаго обширнаго трактата о любви къ отечеству; неподалеку, на случай отдохновенія, ваялся новый романъ Поль-де-Кока.

Прежде всего, мы, разумѣется, разговорились о различныхъ благодѣтельныхъ реформахъ, ожидающихъ наше любезное отечество, потомъ о дѣйстви, которое онѣ оказываютъ на обывателей. Оказалось, что это дѣйствіе, покаместъ, ограничилось тѣмъ, что генераль Голубчиковъ сошолъ съума, въ ожиданіи уничтоженія откуповъ, да предсѣдатель уголовной палаты запилъ мертвую, въ ожиданіи судебной реформы. Мы, разумѣется, погоревали.

— Удивляться тутъ нечему, сказалъ мнѣ Семень Михайлычъ по поводу непріятнаго происшествія съ генераломъ Голубчиковымъ:—такая вѣсть можетъ поразить и болѣе крѣпкіе организмы.

— Какой однако ударъ для всего семейства!

Семень Михайлычъ только махнулъ рукой, какъ бы говоря: погоди! то ли еще будетъ!

— Странно одно, продолжалъ онъ:—какъ это Иванъ Николаичъ до сихъ поръ не приготовился! Посмотрите на меня: я ужъ давнымъ давно ко всему готовъ!

— Что, развѣ получили что нибудь?

— Не получилъ, но получу!

Семень Михайлычъ сказалъ это съ такимъ дрожаніемъ въ голосѣ, что я не сомнѣвался, что онъ получилъ нѣчто, но до поры до времени скрываетъ. Любопытство задѣло меня за живое.

— Вотъ вы говорите, что генераль не приготовился, сказалъ я, желая увлечь его въ откровенную бесѣду:— да помилуйте, какъ же тутъ и приготовиться-то! Вѣдь онъ еще нынче утромъ получилъ радостное для себя извѣстіе!

— И все таки надо было приготовиться!

— Да какъ же это, однакожь?

— Повѣрьте мнѣ, что ничего нѣтъ легче. Нужно только соображеніе и христіанское смиреніе! возразилъ Семень Михайлычъ и, немного помолчавъ, прибавилъ: — да, главное все-таки христіанское смиреніе, какъ тамъ кто ни говори! Семень Михайлычъ, который курилъ въ это время трубку, сталъ дуть въ нее съ такою силой, что искры цѣлымъ облакомъ посыпались на коверъ.

— Я былъ сего дня у обѣдни и молился, продолжалъ онъ таинственнымъ голосомъ:— только, когда пропѣли херувимскую, я вдругъ почувствовалъ, какъ будто, что-то кольнуло меня въ самое сердце... Я, знаете, впалъ въ забвеніе, стою и молюсь, стою и молюсь... Ахъ, что я видѣлъ въ эту сладкую минуту! ахъ, что я видѣлъ! Скажу одно: съ этого мгновенія бремя жизни скатилось съ души моей! съ этого мгновенія я... готовъ!

«Чортъ возьми! а вѣдь дѣло плохо, коль скоро Семену Михайлычу видѣнія являються!» подумалъ я, невольно припомнивъ катастрофу, приключившуюся съ генераломъ Голубчиковымъ.

— И представьте себѣ, другъ мой, едва я возвратился изъ церкви, какъ мнѣ подають письмо отъ одного петербургскаго пріятеля....

— И это письмо?..

— Вотъ не угодно ли полюбоваться!

Онъ подаль мнѣ дрожащей рукою письмо, въ которомъ я прочиталъ слѣдующее:

«Мы провалились, любезный другъ Simon, и ты можешь укладывать свои чемоданы, не опасаясь на этотъ разъ быть введеннымъ въ ошибку. На дняхъ все покончено: насъ не будетъ! Мы должны перестать существовать, превратиться въ дымъ—мы и дѣла наши! Первою мыслью моею было, разумѣется, подумать о тебѣ, и знаешь ли, что я придумалъ? На дняхъ наши финансисты скомпоновали какой-то невинный проектъ по винной части:

не удрать ли намъ съ тобой штуку, пристроившись по части хересовъ и розничной продажи сивухи? Говорятъ, такой состряпали проектець, что пальчики облизешь; слѣдовательно, надежда есть. А я, къ тому же, коротко знакомъ съ самимъ его сивушествомъ, княземъ цѣловальниковымъ, слѣдовательно, и тутъ надежда есть! Вспомни, дружище, стишки:

Надежда, кроткая посланница небесъ....

и еще: надежда утѣшаетъ царя на тронѣ—дальше, хоть убей, не помню—и валяй въ Питеръ! А не то, и еще имѣется въ виду убѣжище: поговориваютъ, что учреждается серьезный надзоръ надъ пристанищами праздности и разврата, и что по этому случаю также потребуется много дѣятелей. Чтожь, можно махнуть и по части клубнички! Конечно, дѣятельность не очень почетная, но нашъ братъ, опричникъ, за толчкомъ не погонится: видали виды! Сомной, дружище, даже на дняхъ случилось происшествіе въ этомъ родѣ.... и т. д.

«Ожидающій тебя съ нетерпѣніемъ

«Никифоръ Малявка».

— Однако, вамъ еще не измѣнила надежда! сказалъ я, прочитавши письмо.

— Не измѣнила—то не измѣнила, а все—таки больно.

Семень Михайлычъ размахнулся и ударилъ чубукомъ объ стѣну.

— Больно, Николай (Иванычъ)! Больно, въ особенности съ точки зрѣнія благороднаго человѣка! сказалъ онъ, останавливаясь предо мною: — поймите, вѣдь наша служба была самая благородная! Вѣдь мы были почти.... массоны!

— Ссс...

— Да, массоны! Это я берусь доказать, хоть и знаю, что въ нашемъ отечествѣ массоны не допускаются. Но мы массоны очищенные, мы массоны, у которыхъ, кромѣ любви къ отечеству, ничего въ предметѣ не осталось!

— Да скажите мнѣ, ради Бога, полковникъ: что такое были эти массоны?

— Массоны были и будутъ существовать, покуда стоитъ міръ; массоны — это просто благонамѣренныя люди, изъ которыхъ нѣкоторые заблуждаются, а нѣкоторые не заблуждаются!

— Гм... это конечно... всякой вещи бываетъ въ мірѣ по два сорта...

— Заблуждающіеся массоны имѣли между собой разные таинственные знаки, безъ дозволенія начальства называли другъ друга вымышленными именами: Никифора Петромъ, Петра Степаномъ, и тому подобное... Согласитесь, что въ государствѣ этого допустить невозможно?

— Да, оно конечно... какъ-то подозрительно.

— Ну, и вся эта принадлежность перешла отъ массоновъ къ намъ. Мы тѣ же массоны, но массоны очищенные.

— Если я васъ понялъ, любезный Семень Михайлычъ, то, стало быть, цѣль этихъ массоновъ заключается въ томъ, чтобы покровительствовать несчастнымъ?

— Совершенно такъ. Видишь, напримѣръ, утопающаго, ну, подойдешь, подашь ему руку—и онъ опять пошелъ себѣ жить да поживать. Или, напримѣръ, обыграли васъ въ карты; вы приходите, объясняете... Я съ своей стороны призываю лицо, воспользовавшееся вашею довѣрчивостью, и говорю ему: «отдай деньги, потому что иначе тебѣ можетъ быть худо!»

— Знаете ли что, Семень Михайлычъ? Чѣмъ больше думаешь, тѣмъ больше убѣждаешься, что такого рода учрежденіе—истинное благодѣяніе для человѣчества. Тихо, смиренно, миролюбиво, безъ разговоровъ—сколько тутъ одного сокращенія переписки!

— Да еще то ли мы дѣлывали! вѣдь на насъ, можно сказать, лежало благоденствіе и спокойствіе цѣлаго отечества—поймите это! Вѣдь, можно сказать, ни одной мысли въ головѣ не зараждалось безъ того, чтобъ эта мысль не была намъ предварительно извѣстна... Вѣдь это цѣлый романъ!

— На вашемъ мѣстѣ, Семень Михайлычъ, я непременно писалъ бы свои мемуары.

— Я думалъ объ этомъ.

Семень Михайлычъ задумался и улыбнулся. Видно было, что надъ мыслями его пролетали воспоминанія, и что воспоминанія эти улыбались ему.

— Да, были дѣла! сказала онъ, щипля свой надушенный усъ:—были дѣла!

Я зналъ отчасти эти дѣла. То были дѣла чудодѣйственной ловкости, то были дѣла печальнѣйшихъ сюрпризовъ и таинственнѣйшихъ похищеній. Семень Михайлычъ цѣлую жизнь все до-

вилъ и хваталъ, и наконецъ доловился и дохватался до настоящаго скорбнаго положенія. Согласитесь, что это сразить хоть кого.

— Не то больно, сказалъ онъ:—что жалованья тамъ какого нибудь на время лишусь, то больно, что практики—то этой не будетъ!

— Да, привычка—великое дѣло!

— Грудью, вотъ эту самую грудью жертвовалъ! И чтожь въ результатѣ?—абшидь!

Семень Михайлычъ видимо впадалъ въ лиризмъ, потому что колотилъ себя въ грудь самымъ неестественнымъ образомъ.

— Что мнѣ нужно? декламировалъ онъ, ставъ въ позицію, какъ это обыкновенно дѣлаютъ благородные, но огорченные люди:—что мнѣ нужно? Добрую сигару и стаканъ добраго вина!

«Добрую сигару я отдамъ пріятелю; стаканъ вина раздѣлю съ нимъ же!

«Теперь у меня нѣтъ ни того ни другаго! Послѣднюю сигару я выкурилъ вчера, послѣдній стаканъ вина выпилъ каналья деньщикъ сегодня, въ то время, какъ я молился Богу!

«Новыхъ я купить не въ состоянїи. Я не знаю даже, буду ли въ состоянїи сшить себѣ новые сапоги!

«Это горько! это неблагоприятно!»

— Яшка! прибавилъ онъ совершенно неожиданно, кликая деньщика:—ступай, подлець, къ Барабошкиной и спроси, не осталось ли у ней хоть одной бутылки моего любимаго вина?

Послѣдній возгласъ оживилъ меня нѣсколько. Нѣтъ ничего несноснѣе, какъ присутствовать при посторонней горести. Конечно, эта горестъ не могла назваться и для меня совсѣмъ постороннею: ибо и я, наравнѣ съ другими, могъ погибнуть въ стремнинѣ политическаго переворота; но все-таки я страшныхъ писемъ еще не получалъ, слѣдовательно, гибель моя представлялась еще отдаленною, и мысль о ней не портила еще моего аппетита въ такой степени, въ какой портила аппетитъ другихъ моихъ сотрудниковъ по вертограду администраціи. Однимъ словомъ, отъ этихъ унылыхъ стоновъ мною начинало уже овладѣвать нетерпѣніе, и я имѣлъ основаніе думать, что появленіе бутылки вина хоть нѣсколько измѣнитъ направленіе разговора,

— Тутъ была цѣлая система, приставалъ между тѣмъ Семень Михайлычъ:—система, могу сказать, строго соображенная во

всѣхъ своихъ частяхъ и подробностяхъ. Мы связаны между собой вотъ какъ!

Семень Михайлычъ соединилъ обѣ руки и просунулъ пальцы одной изъ нихъ между пальцевъ другой.

— Спрашиваю я васъ теперь, можно ли оставаться безъ системы? добивался онъ.

— Знаете ли, что? отвѣчалъ я, какъ бы озаренный свыше вдохновеніемъ:—вѣдь я думаю, что безъ системы оставаться рѣшительно никакъ невозможно!

— Стало быть, можно, коли оно такъ есть: взгляните и судите! иронически замѣтилъ онъ.

Такого рода разговоры обыкновенно продолжаются до безконечности. Источникомъ имъ служатъ раны человѣческаго сердца, а раны эти, какъ извѣстно, сочатся до тѣхъ поръ, пока не изсочатъ изъ себя всего гноя обидъ и оскорбленій, въ нихъ накопившихся. Нашъ разговоръ былъ прерванъ появленіемъ подлеца Яшки, который доложилъ, что купчиха Барабошкина съ дерзостью отозвалась, что у нея никакой бутылки вина для полковника нѣтъ и не было.

— Вотъ видите! даже Барабошка—и та отвѣчаетъ! сказалъ мой амфитрионъ, окончательно сраженный:—подлая! пронюхала, должно быть!

Семень Михайлычъ неистово зашагалъ по комнатѣ.

— Любопытно! любопытно это будетъ, какъ-то они безъ насъ обойдутся! Повѣрите ли, Николай Иванычъ, когда мнѣ въ первый разъ сказали, что насъ не будетъ,—я думалъ, что это насмѣшка, я даже не далекъ былъ отъ мысли, что насмѣшка эта прямо относится къ высшему начальству...

— Да, оно похоже на то.

— Нѣтъ—съ, это была не насмѣшка. Намедни съ пріѣзжаю я въ Москву, являюсь къ своему старику, и первое слово, которое отъ него слышу: «а мы, братъ, съ тобой въ трубу вылетѣли!»—Кто же теперь слѣдить будетъ? спрашиваю я его:—кто слѣдить будетъ, ваше превосходительство? И знаете, стою эдакъ передъ нимъ, весь виѣ себя отъ изумленія. Только чтожь бы, вы думали, онъ мнѣ въ отвѣтъ? — Я, братецъ, говоритъ, въ пенсію все свое содержаніе получаю, такъ мнѣ до этого дѣла нѣтъ!!! Такъ-то вотъ, ни въ комъ, просто ни въ комъ сочувствія нѣтъ!

— Скажите на милость!

— А намедни вотъ, у Пеструшкиныхъ на балѣ, мальчиш-

ка, Шалимовскій гимназистъ, подходитъ ко мнѣ, морзавецъ, и говоритъ: а вы, говоритъ, знаете, Семень Михайлычъ, что васъ уничтожаютъ? — Спрашиваю я васъ, каково мнѣ эти плюхи-то вѣсть?

— Даже мальчишки, и тѣ!

— Да въ мальчишкахъ-то и сила вся! Откровенно скажу, что еслибъ не мальчишки, мы и до сихъ поръ благоденствовали бы! Это они своимъ твяканьемъ, это отъ нихъ все загорѣлось. Господи! жили-жили и вдругъ напастъ!

— Да и старики-то, Семень Михайлычъ, хороши!

— И мальчишки, и старики, и Барабошка, и весь міръ за одно!

— Однакожь, вѣдь вамъ недавно мундиръ перемѣнили: по видимому это должно бы поощрить!

— Да, и перемѣнили, и поощрили! Ну да, и перемѣнили, и поощрили! Чтожь, и поощрили!

— Какъ же это однако?

— Вотъ видите, Николай Иванычъ, я цѣлый мѣсяцъ объ этомъ знаю... Вы понимаете, что у меня должно *тутъ* происходить?

Онъ указалъ на грудь.

— Все это время я думалъ... все думалъ...

— И что же?

— Я просто пришелъ къ заключенію, что все это не болѣе, какъ страшный сонъ!

— Тсс...

— Да, это страшный сонъ, потому что этого не можетъ быть!

— Однако, вы имѣете письма?

— Имѣю дѣйствительно, по въ то же время питаю увѣренность... что мы возродимся!

— То есть, какъ же это?.. Вы думаете, значитъ, что вамъ опять дадутъ новый мундиръ?

— Да нѣтъ, не то, не въ мундирѣ тутъ сила: духъ времени не таковъ! Но что мы возродимся — это вѣрно. Потому, непатурально! Опять-таки, спрашиваю я васъ, возможно ли существовать безъ системы?

— Нѣтъ, я положительно убѣжденъ, что безъ системы и одного дня пробыть не возможно.

— Ну, а какого же тутъ чорта систему выдумашь! Слѣдовательно, мы возродимся: въ мундирахъ ли, безъ мундировъ ли, но мы возродимся—это вѣрно! Конечно, сначала все это будетъ

какъ будто подъ пепломъ, а потомъ оно потеплится—потеплится да и воспрянетъ настоящимъ манеромъ!

— Да вы-то? вы-то? что съ вами будетъ?

— Что обо мнѣ говорить! Я... я могу найти для себя убѣжище въ одномъ изъ новыхъ учрежденій, о которомъ пишетъ Малавья... Но это все равно! Главное все-таки въ томъ, что мы возродимся!

Семспъ Михайлычъ былъ великъ: я понялъ это и позавидовалъ ему. Мнѣ думалось о томъ, какъ сладко и велико должно быть гражданское чувство, въ силу котораго человѣкъ забываетъ о себѣ, чтобы всѣмъ существомъ своимъ устремиться къ одному предмету—любезному отечеству!

Мы разстались утѣшенные и облегченные. Всю дорогу я твердилъ себѣ: мы возродимся, ибо безъ системы существовать нельзя!

Н. ЩЕДРИНЪ.